

Татьяна В. Охрименко (Київ)

Логико-лингвистические категории «тождество» и «подобие» как основания тропов метафорической группы

Ключные речи:
категории тождества, подобия и различия, тропы псевдотожества, члены сопоставления, связующий признак, закон партиципации, мифологическое и субъективно-расчленённое сознание.

Как традиционный предмет риторики и стилистики метафорические тропы представляют собой семантически дву-плановые наименования (или семантические преобразования единиц языка), основанные на употреблении выражения в переносном значении и используемые в качестве изобразительных средств речи. В лингвистике конца XX в. актуализируется понимание тропов как «семантических аномалий», отклоняющихся от нормы средств, которые реализуют «вторые» смыслы и синтезируют в себе, прежде всего, существенно различаю-

Анализа логико-лингвистических категорий «подударность» и «сличност», чья первая тумачења потичу из античких времена и спадају у круг проблема логике, филозофије, психологије и лингвистике нашег доба, омогућава да се одреди улога тих категорија у стварању тропа метафоричке групе или тропа псеудоподударности. Подударност је временски постојана и способна да у целини карактерише когнитивну људску делатност. Сличност се актуализира као резултат дејства аналитичке свести.

щиеся логические категории – тождество и подобие. В соответствии с долей «синтезаций» (или «гибридизаций») этих категорий переосмысления представляются размещёнными ближе к одной или другой координате тропеической оси. В современных исследованиях по лингвопоэтике ось псевдотожества, т.е. тождества объективно существующего и положенного в основу переноса признака (Арутюнова 1990: 5; Молотаева 1990: 37), определяется, в первую очередь, родовым тропом оси – метафорой, и уверенно отделяется от иной оси переосмыслений

– оси смежности (во главе с метонимией), что находит отклик в античной риторической традиции. Впервые ось псевдотожества удлиняется в сторону убывания отношений тождества между субъектом осмысления и объектом сопоставления тропа – до минимизации подобия, представленной позициями «аналогия» и «ассоциация».

78

I.

Логико-лингвистическая категория тождества представляет наибольшее число тропических объективаций метафорической группы и соответствует ведущей координате оси псевдотожества. В трудах современных филологов существует устойчивая традиция описания логико-лингвистической категории тождества с опорой на категорию подобия. Так, представители известной лингвистической школы «Логический анализ языка» утверждают, что сходство/несходство представляется как тождество/нетождество. При этом концепт тождества определяет форму высказывания, а концепт подобия – их содержание. Поэтому тождество видится пределом сходства, его максимумом (Арутюнова 1983: 18). В ряде справочных изданий по философии и логике категория тождества представлена подобным образом – в качестве абсолютного подобия (Дидье 2000: 453), но в состоянии временного покоя, равновесия (Кондаков 1975: 596–597). Соответственно, можно пояснить тождество и подобие как абсолютное нестабильное и стабильное подобие. Подобие видится устойчивым принципом, положенным в основу отношений временного тождества объектов.

Действительно, подобие как давний принцип установления сходства отражает универсальный закон participa-

ции, космологичности сущего (т.е. связанности всего со всем, явленности всего во всём) и потому выполняет важную роль в создании номинации. Но и тождество способно отражать законы партиципации и устойчивости универсума. Так как, по мнению лингвистов, «через отождествление объектов выражается медленность течения жизни, стабильность её форм, несущественность субстанциональных различий» (Арутюнова 1999: 289). В согласии с позицией современной когнитивной семантики, метафорическое отождествление отражает важнейшую способность человека и этноса к взаимодействию с окружающей действительностью (Селіванова 2008: 98; Синица 2007: 26). Можно согласиться с исследователями стилистических особенностей языка в том, что подобие и тождество являются единым принципом отражения закона связности, так как опираются на действие «промежуточного понятия», связующего признака, на выделении которого настаивал в своё время академик А. А. Потебня. Мнение современных лингвистов таково: «Когда мы рассматриваем два, пусть очень несхожих, объекта, всегда можем найти в пирамиде вложенных классов «предельный» класс, который будет включать оба эти объекта... Термины «тождественный» и «сходный» используются исключительно для того, чтобы примерно установить уровень «предельного» класса – промежуточного понятия, которое никогда в дискурсе не присутствует и является пересечением совокупности сем» (Общ. риторика 1986: 196–197).

Так как логические категории тождества и подобия равноправны в основном принципе – установлении сходства, то понятие «подобие» не может «подчинять» себе тождество, быть определяющим

для него и представлять более важную позицию в акте познания. Подтверждение тому находим в трудах современных лингвистов, где отмечается, что тождество и подобие относятся не только к разным, но даже противопоставленным ситуациям действительности: «один и тот же объект не может находиться в разных местах одновременно, сходные же предметы, наоборот, не могут совпасть в одном пространстве» (Арутюнова 1999: 275). Более того, в научной литературе существует достаточно указаний на то, что именно отношения тождества – устойчивы, первичны и универсальны. Так, в логико-лингвистических исследованиях утверждается мысль о точности, постоянстве, неподвижности тождества, отражающего континуальность мира во времени. В философских трудах тождество соответствует идентификации, т.е. подведению нового знания под то, о чём нам уже известно. В этом смысле тождество является формой всякого понимания (Дидье 2000: 453). С философской точки зрения тождество является одной из наиболее фундаментальных характеристик бытия и одним из простейших бинарных отношений равенства (Философ. Энцикл. слов. 2004: 299; Філософ. енцикл. словн. 2002: 186), характеризующихся дизъюнкцией и жёсткой детерминацией (Арутюнова 1983: 4). В поэзии как наиболее давней и устойчивой языковой форме отражения действительности именно эквивалентность видится одним из её основных организующих принципов. Тождество прослеживается на всех уровнях от низших (тропы) до высших (композиционная организация поэтического текста) (Лотман 1965: 34). Поэтому утверждение вторичной, по сравнению с подобием, роли тождества можно пояснить только тем, что «в ряде современных

исследований языковедческое определение единиц, которые передают тождество, в определённой мере утрачивает строгость логических критериев выделения. Это приводит к рассмотрению в границах категории тождества переходных, диффузных явлений» (Горголюк 2005: 4).

В современной науке высказываются мнения не только об исконной простоте (бинарности), точности, постоянстве логических отношений тождества, об их самодостаточности вне связи с отношениями подобия. Наблюдаются попытки представить первичное тождество в качестве производящей основы для вторичного подобия. Так, в философских трудах отмечается, что с опорой на категорию эквивалентности формируются дальнейшие звенья логической цепочки отношений тождества – подобие, изоморфизм и т. д. (Філософ. енцикл. словн. 2002: 186). Исследования первобытной культуры и исторической поэтики показывают, что по мере познания всё более очерчивалась грань между окружающим миром и человеком, идею равенства замещала идея обособленности, а древний синкретизм отступал перед расщепляющей силой знаний. Так мифологическое тождество «молния – птица» сменилось сравнением «молния, как птица» (Веселовский 1940: 132). Лингвисты также считают, что подобие является вторичным образованием: «по мере роста материала литературного языка, наряду с имеющейся эквивалентностью логико-семантических отношений, появляется подобие и затем – отдалённые подобия» (Караулов 1981: 307). В логико-лингвистических исследованиях находим косвенное подтверждение первичности тождества и вторичности подобия. Утверждается, что тождество не зависит от человека, а сходство зависит от субъективного восприятия. При этом

восприятие не всегда вербализовано, в отличие от тождества (Арутюнова 1999: 294). В связи с этим можно резюмировать, что подобие субъективно, не истинно, не точно, не явственно, в отличие от объективности и точности тождества. Хотя современные лингвистические исследования показывают, что субъективность как языковая категория, в отличие от философской, логической, психологической, чётко не определена и представляет диалектическое единство «субъект – объект» (Мельник 1997: 109).

Как всякая композитная система, отношения подобия вторичны, производны от простейшего тождества: «если тождество передаётся предложениями идентификации, то способы выражения подобия – разнообразны». Тождество элементарно и не требует пояснений, развёртывания мысли. Оно либо констатируется, либо нет: «...предикаты тождества не имеют распространителей. Нельзя спросить о том, чем идентичен объект самому себе» (Арутюнова 1999: 277–278). Однако следует согласиться с мнением лингвистов о том, что подобие в силу субъективности и разнообразия имеет наибольшие возможности реализации, поэтому более всего характеризует позднейшие (в том числе актуальный) этапы развития человеческой мысли. Известно, что средствами современной коммуникации создаётся гиперреальность, мир обращается в субъективное инобытие, «мнимость» (Фатеева 2001: 419).

Анализ ряда современных трудов по гуманитарным дисциплинам показывает, что архаичные отношения тождества представляются равновеликими или содержащими иной тип логических отношений – отношения различия. Например, в психологии категория тождества, или идентификации, состоит «в сличении

двух объектов или в сличении воспринимаемого объекта с эталоном, записанным в памяти, и в установлении их тождества или различия» (Больш. психолог. слов. 2003: 188). В лингвистической науке тождество и различие составляют целостность. Представители школы «Логический анализ языка» пишут о том, что тождество конституировано антонимической парой «тождественное – разное» (Арутюнова 1999: 275–276). Исследователи поэтического текста определяют тождество и различие в качестве ведущих принципов его построения: «выделение противоположного в сходном» и «совмещение того, что казалось различным» (Лотман 1972: 39).

Метафора как универсальный тип переосмыслений. Логико-лингвистические отношения тождества вербализуются на тропеической оси, прежде всего, посредством родового тропа псевдotoждества – метафоры. В вопросе о генезисе переосмыслений актуальным представляется выделение метафоры в качестве одного из базовых тропов псевдotoждества, или первообразных, конкретно-образных «прототропов», отмечаемых как в античной, так и в восточнославянской традиции. В академическом языкознании метафора рассматривается как результат абстрагирования одного из нерасчленённых смыслов мифологического образа: связь абстрактных смыслов с мифологическим образом сохраняется, но становится неявной для мышления, приобретает характер условной, игровой (Фрейдберг 1936: 48; Белехова 1999: 90, 95). Метафора приобретает свойства механизма речи, в процессе которого переосмысливаются не столько единичные объекты, сколько представители абстрактно выделенных групп. Такое

толкование соответствует устойчивому пониманию метафоры как оборота речи, состоящего в употреблении слова, обозначающего некоторый класс явлений, концептосферу, для характеристики или наименования объектов аналогичного класса, концептосферы.

Однако следует отметить, что определение «условной», «игровой» связи абстрактных смыслов с мифологическим образом не соответствует выводу теории когнитивной метафоры – о «живой», поэтической, до сих пор существующей связи родового переосмысления и мифопоэтического значения. Когнитивисты представляют метафору «набором логико-лингвистических операций, которые воплотились в давних сказках, мифах, эпосах – поэтической логике первобытных людей». Этот вывод был получен в результате серии экспериментов по изучению спонтанного языкового поведения (Штерн 1998: 220). Был подтверждён статус метафоры как давнего ресурса поэтической речи. В трудах русской мифологической школы XIX в. указывалось на обилие метафор в архаичную языковую эпоху, отражающую мифопоэтический взгляд на мир.

В рамках когнитивной концепции метафоры обнаружено, что обыденная понятийная система, категориями которой мы мыслим, по сути своей метафорична и выполняет центральную роль в определении понятий бытового характера. В этом смысле метафора полноценно реализуется как средство номинации. Заметим, что до сих пор именно среди конкретных имён существительных отмечается сильная тенденция к метафоризации. Как способ мировосприятия метафора чаще всего объективирует переосмысление абстрактного в конкретно-физических понятиях. Например, «делать успехи в

жизни» – значит «идти вперёд», «набираться сил». О важности конкретных и визуально представленных обозначений (в качестве характерного объекта сопоставления метафоры) писали, как известно, и античные риторы.

О «живой» связи метафоры и мифа говорят представители лингвомифопоэтики: спецификация символических значений в художественном тексте осуществляется, в том числе, благодаря метафорическим переосмыслениям. Например, локальные метафоры «вился янтарный виноград», «птиц летал пугливый рой» объективируют базовое символическое значение «сад – символ красоты, очарования, плодородия земного мира как отражение Эдема». Развёрнутую на большом пространстве текста метафору даже рассматривают в качестве источника символических превращений (Лит. и яз: Совр. ил. энцикл. 2007: 485). В сознании современного носителя языка остаются актуальными такие метафорические стереотипы, имеющие истоки в мифопоэтическом языке, как «счастье, удача, успех, здоровье, жизнь – это то, что вверху» (близкое пониманию сакрального «верха» универсума), «болезнь, неприятности, неудачи – то, что внизу» (близкое пониманию хтонического «низа» вселенной).

В литературоведении считается общепринятым рассмотрение метафоры в качестве тропа, основанного на принципе сходства и контраста. В этом смысле метафора соответствует логико-лингвистическому определению тождества, включающего в себя различие. Однако в архаичную эпоху развития языка метафора являлась, как известно, результатом абстрагирования одного из нерасчленённых смыслов мифологического образа и в этом смысле прибли-

жалась к мифологическому тождеству. Поэтому представляется возможной следующая эволюция метафоры как основного строительного материала поэтического образа: метафора-тождество (архаичный период) > метафора-сравнение > метафора-аналогия > метафора-уподобление > метафора-различение (актуальный период). Этому процессу можно найти пояснение в трудах русской мифопоэтической школы, где метафорический троп рассматривался изменяющимся во времени. В результате ослабления роли первообразного мышления и актуализации абстрагирующего, расчлняющего сознания архаичный «прототроп» метафора-тождество либо детропеизируется, либо эволюционирует в метафору-различие. Согласно мнению современных исследователей, развитие метафоры определяется динамикой её внутренней формы, образа, которые со временем «тускнеют», «стираются» (Кудрявцева 2004: 77; Мойсієнко 2008: 33).

В новых попытках обрести целостность мышления, характерных для XX в., метафора как двуединство значений выполняет по-прежнему важную роль. Но она осваивается не в перспективе раздвоения, а нового единства составляющих (Белехова 1999: 95–96), которое близко первообразному тождеству. Например, в современных русских поэтических текстах сакральный процесс творения мира переосмысляется в новом типе метафоры – метафоры созидания текста. В кодах «написание песен, книг», «творение красного, витийственного слова» метафоризируются хронотоп истории и таинственный, креативный мир ночи: «Софья Николаевна – старший военврач. Говорила – стою песен я и книг, и творю историю я, простой мужик (участник в

– О. Т.)» (Евтушенко 1996: 31); «Витийствуя, красы твори (свеча, освещающая ночной труд поэтессы – О. Т.) до близкого утра» (Ахмадулина 2001: 223).

II.

Анализ логико-лингвистических категорий тождества и подобия показывает, что оба типа отношений отражают единый, устойчивый закон партиципации бытия, согласно которому вся действительность, в том числе языковая, носит черты внутреннего подобия. Категории тождества и подобия способны объективировать процесс партиципации в терминах вербализованного / невербализованного *tertium comparationis* – связующего признака не только в структуре тропа (в качестве мотива переосмысления), но и в акте познания как таковом.

Сущность связующего звена часто описывается в терминах категории подобия, что умаляет роль изначально данного *tertium comparationis* как универсальной связи «всего со всем» и увеличивает роль вербальной формулы сравнения. Например, в философии является общепризнанным тезис о том, что подобие играет главную роль в процессе познания: «сравнивать можно только подобные вещи» (Философ. слов. 2003: 346). Фундаментальность системы подобия философы поясняют её ориентацией на представление мира как постоянного повторения одних и тех же элементов и их связей (Философ. Энцикл. слов. 2004: 9). Сравнение есть «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания» (Маслова 2001: 144). Наоборот, в лингвистике подчёркивается главенствующее-предикативная роль самодостаточного *tertium comparationis*: «Уподобление ...

обычно придерживается границ общности, указывая на те признаки, которые послужили основанием сравнения. Все предикаты подобия открывают для этого подчинённую синтаксическую позицию: похож чем? в каком отношении? ... общий признак ставится в доминирующую позицию предиката, образуя промежуточное звено между именами сопоставляемых объектов. Например, «Он был свиреп, как тигр» (Арутюнова 1999: 277–278). Можно заключить, что в силу смешения понятий об универсальном, изначально данном связующем признаке (представленном также в категориях тождества, смежности) и о вербальной схеме категории подобия (с членами сопоставления и частным связующим признаком) логическим отношениям подобия приписывается исконная фундаментальность и холистичность.

Отметим, что ещё со времён античности феномен «сравнение» имел неоднозначный, противоречивый статус и описывался, прежде всего, как умозрительная категория – универсальный логический принцип установления сходства. В восточнославянской традиции изучения тропов сравнение не только отождествляется с устойчивым поэтическим звеном *tertium comparationis*. Посредством последнего оно определяется в качестве «блуждающей» внутренней формы, представления как концентрирующего признака, а также как первичный, мифопоэтический образ, положенный в основу номинации (Потебня 1993: 129). Именно первичному образу, по мнению теоретиков русской мифопоэтической школы, принадлежит главная роль в структуре тропа (Афанасьев 1865: 13). Неоднозначный статус категории подобия и сегодня заставляет исследователей расширять понимание сравнения вплоть до опре-

деления отличительной особенностью русского языкового восприятия (Колесов 1999).

На наш взгляд, логико-лингвистическая категория подобия видится последующим образованием (в отличие от действия космологического, всеобщего *tertium comparationis*) на основании того, что в вербализированном подобии присутствует отдельный и не всегда существенный признак. Так, в философии термин «подобие» сочетает данности, имеющие лишь несколько одинаковых признаков, и этим отличается от тождества. По мнению лингвистов, только эти признаки служат основанием для сравнения и представляют собой «частично опознанное», формализованное звено между субъектом осмысления и объектом сопоставления. В то же время категория тождества, объективированная метафорическим тропом, устанавливает простейшие, бинарные отношения полного тождества или различия: в энциклопедическом словаре Брокгауза, Ефрона отмечается, что, объясняя неизвестное, вновь познаваемое явление посредством известного, первобытная мысль переносит на познаваемое все признаки объясняющего. В позднейшем (по сравнению с мифологическим тождеством) поэтическом сравнении поэт лишь стремится дать возможно большую рельефность особенностям уже известного явления. В качестве примера обратимся к сравнительной конструкции «он был свиреп, как тигр». Здесь «свирепость» – общий, но не исчерпывающий всего понятия «тигр» признак.

Подобная позиция отражена и в высказываниях академика А. А. Потебни о сравнении как «регрессивном подобии», которое вычленяет в субъекте осмысления новые черты, однако или субъек-

тивные, или неисконные, или ранее не существенные. Субъективный характер подобия отмечен и в современных лингвистических исследованиях: «отношения подобия не характеризуются жёсткой детерминацией, поэтому могут быть обманчивы и субъективны» (Арутюнова 1999: 275). Можно согласиться с позицией философов, которые видят отношения подобия «дальнейшим звеном логической цепочки отношений тождества» (Философ. энцикл. словн. 2002: 186). Поэтому подобие в большей мере характеризует позднейший, близкий актуальному и далёкий от мифологического, тип сознания.

Образное сравнение как расчленение искомого тождества. Обычная форма объективации категории подобия, широко известная в тропеистике, – это образное сравнение, основанное на соединении двух его членов (прямой и переносной номинации) при помощи союзов «как», «словно», «подобно», «будто» и т. д. Например, «небо висит, как колокол», «война для страны подобна физическим упражнениям для человека».

В академическом литературоведении и лингвистике понятие образного сравнения часто заменяется кратким «сравнение», в результате чего создаётся неверное впечатление о тождестве понятий «сравнение» и «образное сравнение». Например, «сравнение – это образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые, важные свойства»; «сравнение – это стилистический приём, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления». Уместно уточнение учёными школы лингвопоэтики тропеического статуса

образного сравнения как сложноструктурной номинации: «троп, реализующий отношения подобия ... имеет объект сравнения, соотносимый с развёрнутой ситуацией, в то время как объект обычного сравнения называет предмет или явление» (Молотаева 1990: 39).

В структуре образного сравнения именно метафорическая часть является исходной, что подтверждает идею о вторичности отношений подобия и первичности тождества. Так, авторы словаря устойчивых сравнений русского языка обнаруживают, что в структурно-логическом отношении образное сравнение разбивается на две части – сопроводительную (например, «задиристый») и сравнительную («как петух»). Сопроводительная часть выражает общий признак сравниваемых предметов и характеризуется регулярностью употребления. Однако он может заменяться другими словами компаративно-синонимического ряда или опускаться в речи вовсе. В то время как сравнительная часть характеризуется постоянством, неизменностью своего состава. Отмечается глубокая содержательность метафорической части: «устойчивые сравнения в большинстве своём единицы многозначные, например, «как камень» – значит жёсткий, твёрдый, прочный, тяжёлый, неподвижный, бесчувственный» (Огольцев 2001: 5). Отметим, что ещё во времена Аристотеля образное сравнение связывалось с «пояснённой», «прозаической», синтаксически распространённой метафорой. В текстах русской поэзии современного периода образное сравнение продолжает сохранять устойчивость метафорического, глубоко символического компонента. Например, в тексте «Сказала дева, – верю я, Ясна, чиста любовь твоя, Как эта звонкая струя» (Лермонтов 1975: 204)

метафора воды в качестве компонента образного сравнения «ясна, чиста любовь твоя, как звонкая струя» специфицирует архаичное, устойчивое значение водной стихии – символа любви.

Отличительным признаком образного сравнения как позднейшей номинации является отражение различия в подобии. Это характеризует и позднейшие метафорические конструкции, представляющие переходную категорию «тождество-различие». Современные лингвисты считают, что обыденное сходство касается предметов одного класса, а поэтическое уподобление сближает объекты разных категорий. Исследователи тропеических средств выражения подчёркивают, что образное сравнение – это сопоставление нарочито разнородных объектов. Например, «капли росы блестят круглы, как бриллианты» (Москвин 2006: 204). Академик В. В. Виноградов, описывавший сравнение в качестве явления стиля, чрезвычайно существенную видел форму его введения: «чем более она затушёвана вначале, чем она неожиданнее, тем острее и эмоционально действеннее» (Виноградов 1976: 419).

Интересен тот факт, что в русских поэтических текстах «неожиданное» завершение образного сравнения может иметь символическую природу. Например, в тексте «Клоками белый снег валится, Что ж дева красная боится С крыльца сойти, Воды снести? Как поп, когда он гроб несёт, так песнь метелица поёт, Играет, И у тесовых у ворот Дворовый пёс всё цепь грызёт И лает...» (Лермонтов 1975: 282) «песня», «игра» метелицы уподобляется погребальной процессии и собачьему лаю как образам-предвестникам беды.

Девушку ожидает месть возлюбленного за измену: «Недавно милый схоронён, Бледней снегов предстанет он И скажет: «Ты изменила», – ей в лицо, И ей заветное кольцо покажет!..». Образное сравнение устанавливает сходство в далёком, но приближающемся к исконному, мифологическому тождеству.

Образное сравнение может иметь простую форму (например, «всегда как утро весела») и развёрнутую конструкцию, в которой метафорический компонент выстраивается в самостоятельный художественный образ («И падает... Так медленно по скату, на солнце искрами блистая, Спадает глыба снеговая»). Распространение метафоры как наиболее важного компонента образного сравнения может свидетельствовать о путях субъективизации тропа – точно так же, как и в случае использования частного, варьирующегося связующего признака. Исследователи тропеических средств выражения обнаруживают огромный пласт развёрнутых конструкций образного сравнения, которые фиксируют подобие и подобие-различие. Сюда относятся тропеические средства приблизительной номинации со сравнительной семантикой типа «наподобие», «во вкусе», «смахивал на», «похож на», формы обычной и отрицательной наивысшей степени сравнения «не хуже», «хуже», «выше», конструкции «точно такой же», «всё равно, что», «тот же, что и у». Например, «чей-то пьяный голос, не хуже голосов соборных стен», «белый испуг, точно с зимою в очах». Соответственно, конструктивно-усложнённые образования координаты подобия являются позднейшим приобретением мысли.

summary

Σ Logical and Linguistic Categories of Identity and Similarity as a Base of Metaphorical Group Tropes

86

Logical categories of identity and similarity have long been the base of metaphorical group tropes first and foremost of comparative transferences such as metaphor and figurative simile. The categories of identity and similarity are equal in view of reflecting the reality partition law. The law is revealed in the presence of the originally given *tertium comparationis*, i.e. the connecting characteristic, the base of transference.

Similarity, however, as referred to the simplest binary category of identity appears in the process of language development. Similarity characterizes the type of consciousness which is close to the actual (partitioned) and far from the mythological (prototypal). The mental construct of figurative similarity becomes more complicated, the connecting characteristic even if verbalised is semantically narrowed. The subjective factor is more important as similarity is considered individually. Similarity and its qualifying tropes are the display of partitioned consciousness. The symbolic content of metaphor is extended and blurred, the mental construct (trinary and variable now) becomes more complicated, the subjective factor effect is intensified, near similarity is used instead of the real transference.

Among others are syncretic formations representing the synthesis of metaphorical transference. These figurative units are the manifestation of abstract, partitioned consciousness and reveal the attempts to establish further identity.

Библиографический список

- Арутюнова 1983: **Арутюнова, Нина**. Тождество или подобие? – In: Проблемы структурной лингвистики. – Москва: Наука. – С. 3–22.
- Арутюнова 1990: **Арутюнова, Нина**. Метафора и дискурс. – In: Теория метафоры. – Москва: Прогресс. – С. 5–32.
- Арутюнова 1999: **Арутюнова, Нина**. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры. – 896 с.
- Афанасьев 1865: **Афанасьев, Александр**. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. В 3-х томах. – Москва: Изд-во К. Солдатенкова, – Т. 1. – 800 с.
- Ахмадулина 2001: **Ахмадулина, Белла**. Проза поэта. – Москва: Вагриус. – 270 с.
- Белехова 1999: **Белехова, Лариса**. Историческая ретроспектива словесного поэтического образа как художественной категории. – In: Вісник Черкаського державного університету ім. Б. Хмельницького. – Серія „Філологічні науки”. – № 11. – С. 82–99.
- Больш. психолог. слов. 2003: Большой психологический словарь. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак. – 672 с.
- Веселовский 1940: **Веселовский, Александр**. Историческая поэтика. – Ленинград: Худож. лит.-ра. – С. 125–199.

- Виноградов 1976: **Виноградов, Виктор**. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – Москва: Наука. – 512 с.
- Горголюк 2005: **Горголюк, Н.** Речення тотожності в сучасній українській мові: автореф.дис.на здобуття наук.ступеня канд.філол.наук: спец.10.02.01 «Українська мова». – Київ. – 20 с.
- Дидье 2000: **Дидье, Ж.** Философский словарь. – Москва: Международ. отношения. – 544 с.
- Евтушенко 1996: **Евтушенко, Евгений**. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 512 с.
- Караулов 1981: **Караулов, Юрий**. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – Москва: Наука. – 368 с.
- Колесов 1999: **Колесов, В.** «Жизнь происходит от слова...». – Санкт-Петербург: Златоуст. – 368 с.
- Кондаков 1975: **Кондаков, Н.** Логический словарь-справочник. – Москва: Наука. – 720 с.
- Кудрявцева 2004: **Кудрявцева, Людмила**. Моделирование динамики словарного состава языка. – Киев: ипц «Киевский университет». – 208 с.
- Лермонтов 1975: **Лермонтов, Михаил**. Собрание сочинений. В 4-х томах. – т. 1. Стихотворения. 1828–1841. – Москва: Худож. лит-ра. – 648 с.
- Лит. и яз.: Совр. ил. энцикл. 2007: Литература и язык: Современная иллюстрированная энциклопедия. – Москва: РОСМЭН. – 584 с.
- Лотман 1965: **Лотман, Юрий**. О проблеме значения во вторичных моделирующих системах. – In: Уч.зап. Тартус. ун-та. Труды по знаковым системам, 11. – Вып. 181. – Тарту. – С. 22–37
- Лотман 1972: **Лотман, Юрий**. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Ленинград: Просвещение. – 280 с.
- Маслова 2001: **Маслова, В.** Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва: Академия. – 208 с.
- Мельник 1997: **Мельник, Ярослав**. Субъективность как языковая категория. – Ивано-Франковск: Прикарпатский ун-т им. В. Стефаника. – 128 с.
- Мойсієнко 2008: **Мойсієнко, Анатолій**. Мова як світ світів. Поетика текстових структур. – Умань: Софія. – 280 с.
- Молотаєва 1990: **Молотаєва, Наталія**. Асоціативно-образний апелят у структурі повістей Т. Г. Шевченка та його лексикографічна інтерпретація. – In: Мовознавство. – № 3. – С. 36–41.
- Москвин 2006: **Москвин, Василий**. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. – Москва: ЛЕНАНД. – 376 с.
- Общ. риторика 1986: Общая риторика. – Москва: Прогресс. – 392 с.
- Огольцев 2001: **Огольцев, В.** Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). – Москва: Русские словари, АСТ, Астрель. – 800 с.
- Потебня 1993: **Потебня, Александр**. Мысль и язык. – Киев: Синто. – 191 с.
- Селіванова 2008: **Селіванова, Олена**. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. – Полтава: Довкілля-К. – 712 с.
- Синиця 2007: **Синиця, Ирина**. Мовна особистість автора у науково-гуманітарному тексті XIX ст. (комунікативний, культурологічний, образно-стилістичний аспекти): Автореф. дис... д-ра філол. наук: 10.02.02 / НАН України. Ін-т мовознав. ім. О. О. Потебні. – Київ. – 36 с.
- Фатеева 2001: **Фатеева, Н.** Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века. – In: Новое литературное обозрение. – Москва: нло. – № 4 (50). – С. 416–434.
- Философ. Энцикл. слов. 2004: Философия. Энциклопедический словарь. – Москва: Гардарика. – 1072 с.

ТАТЬЯНА В. ОХРИМЕНКО

Філософ. енцикл. словн. 2002: Філософський енциклопедичний словник. – Київ: Абрис. – 744 с.

Філософ. слов. 2003: Філософський словарь. – Москва: Республика. – 575 с.

Фрейденберг 1936: **Фрейденберг, Ольга**. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. – Ленинград: Гослитиздат. – 454 с.

Штерн 1998: **Штерн, Ірен**. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енциклопедичний словник. – Київ: АртЕк. – 336 с.